

Уважаемые читатели! В журнале «Азия и Африка сегодня» (2013, №5) была опубликована моя статья под названием «От Сун Цзы до Джозефа Ная». Она была сокращена и отредактирована в соответствии с правилами и идеологией данного журнала. Здесь же я предлагаю ее в первоначальном варианте, а именно в том, в каком она войдет в качестве одного из параграфов второго тома «Мирологии», который еще находится в процессе написания. В силу понятных причин я удалил сноски. Предполагаю, что эта статья может оказаться полезной не только для китаистов, но и для тех, кто интересуется теориями международных отношений.

* * *

После саморазрушения СССР и слома биполярной системы международных отношений на Западе активизировались усилия ученых-теоретиков по формированию новых подходов в изучение мировых отношений. Пересматриваются концепции старых школ, создаются новые. С начала 1990-х годов к процессу формирования теорий международных отношений активно подключился и Китай. В статье рассматриваются результаты воздействия западных теорий международных отношений на традиционные китайские взгляды на мир и на место и роль Китая в мире.

Западные ученые с недавних пор стали задавать себе вопрос: почему на Востоке, имея в виду прежде всего Восточную Азию, нет теорий международных отношений (ТМО)? И в некоторых работах пытаются объяснить этот феномен.

Вопрос поставлен чисто в западном стиле, поскольку он подразумевает теорию именно в форме западных парадигм, т.е. тех терминов, понятий и категорий, к которым привык сам Запад. При этом упускается из виду то, что сам Запад начал творить ТМО фактически только после Второй мировой войны, да и то не сразу, если вспомнить аналогичный вопрос, поставленный теоретиком Мартиным Вайтом в 1966 г. как раз применительно к самому Западу: «Почему нет теории международных отношений?»

Здесь и Вайт, и те, кто ставят этот вопрос в отношении не-западных стран, путают две вещи: науку и теорию. Надо четко осознавать, что наука объективна и универсальна, не имеет гражданства и национальностей. Теория же как форма научного обобщения может быть ошибочной, национальной и идеологичной. Исходя из этого, можно сказать, что науки о международных отношениях действительно нет ни на Западе, ни на Востоке, а теорий существует великое множество и там, и здесь.

* * *

Не является исключением в этом смысле и Китай. В Китае как в древности, так и после 1949 г. существовало множество теорий с китайской спецификой видения мира, которые не похожи на западные варианты. Очевидно, что мировидение китайцев базируется на традиционной философии, которая с начала XX в. стала разбавляться различными течениями Запада, включая ее марксистское направление в его советском исполнении. Как утверждает Цинь Яцин (из Китайского университета внешней политики, Пекин), в китайском контексте слово *теория* имеет два значения: одно – как руководство к действию, другое – как сумма знаний и идей, объясняющих мир в духе теорий Кеннета Уолца и Хедли Булла. К первому типу очевидно относятся практические теории периода Мао Цзэдуна как «Теория трех миров» или «Стратегические теории Дэн Сяопина». К ним же можно без большой натяжки отнести и знаменитую военную теорию (даже целое учение) Сунь Цзы, воплощенную в «Искусстве войны», которая до сих пор является настольной книгой даже для современных военных. Ко второму типу – теории с философским наполнением видения мира. В данной статье будет рассмотрен второй вариант, испытавший на себе воздействие западных образцов за последние два десятилетия.

Общее представление китайцев на мир

Сразу же следует признать, что китайская политическая мысль до определённого времени действительно не обременяла себя специфическими теориями международных отношений. Для этого были исторические причины. Они заключались в том, что в китайском лексиконе не могло быть даже слова между-народный (*international*), поскольку в традиционном представлении китайцев в мире существовал Китай в качестве центра, от которого как бы кругами расходились всяческие народы-данники, управляемые китайским императором. Само название страны – Чжунго – означает Центральное, или Серединное государство. То есть структура такой международной системы была проста: в центре Китай, на периферии соподчиненные государства, платившие дань центру. Эта система, видимо, сложилась уже в эпоху династии Чжоу (1046 – 771 г. до н.э.), но наибольшее развитие получила после объединения страны в эпоху династии Цинь (начинающуюся с 221 г. до н.э.) и продолжающуюся через другие династии до начала XIX в. В китайском мышлении это означало взаимодействие не между центром и некими самостоятельными внешними

гособразованиями, а взаимоотношения внутри одной системы с четкой иерархической соподчиненностью. Поэтому ни о каком суверенитете или территориальной целостности подданных речи быть не могло. Такой подход в принципе исключал саму идею международности (internation-ness), соответственно и какие-либо теории международных отношений даже практического характера.

Такое китайское мировидение описывается термином Тянься (Tianxia), означающее «пространство под небом». В философском смысле термин вбирает в себя абсолютную целостность, внутри которого нет «Я» отделенного от других. Этот подход китайский ученый Цянь Му называет интровертным, «когда все вокруг внутри меня». Для китайского мышления это означает, что нечто может быть далеко от тебя во времени и пространстве, но это нечто никогда не будет в оппозиции к тебе, или таковым, которое необходимо завоевать. Быть вдалеке – это просто расширение твоей самости по аналогии отстояния прадеда от правнука, если говорить о времени. Если же речь идет о пространстве, то система центр-периферия будет напоминать разбегающиеся круги воды от центра. Этот целостный подход отличается от западного двойственного представления о противоположностях, которые неизбежно должны вступить в конфликт.

Вторая идея Тянься – это идея Датун (Datong) – великой гармонии. В дуалистической философии такая гармония невозможна в принципе. В философии Тянься она не только возможна, но и неизбежна, поскольку кажущиеся противоположные элементы всегда дополняют друг друга. Такое взаимодополнение хорошо объясняется философией Инь-Ян, которая визуально представляет даже его символ. Концепция Тянься как бы охватывает весь мир и ставит своей целью гармонизацию мира. Она как бы представляет такое пространство, где встречаются человек и природа, материальное и идеальное, физическое и духовное. Как уверяют многие китайские теоретики, современные идеи о гармонизации мира, внедренные во внешнеполитическую доктрину КНР в 2006 г. в виде принципа «уважения национальных интересов других стран», вытекают именно из идеи Датуна.

Третья идея Тянься – порядок. В конфуцианской философии, как известно, идея порядка в обществе является центральной. Хотя вроде бы в налогово-даннической системе заложена на первый взгляд идея неравных отношений, но в глазах конфуцианцев эти неравные отношения не воспроизводят мир джунглей (на основе равенства, но враждебности) по Гобсу. И даже в мягком варианте Локка (на основе равенства и соперничества), или даже в еще более мягком варианте (на основе равенства и дружелюбности) – по Канту. В конфуцианском же смысле эти отношения определяются по аналогии с отношениями между отцом и сыном – милосердное

неравенство. Именно так строилась семья в Китае, именно так строились и отношения внутри Тянься. Понятно, чтобы такая система закрепились нужны были некие принципы и правила, которые бы превратились в норму жития. И хотя многим они известны из философии Конфуция, есть смысл их еще раз напомнить. Их основой являются пять типов отношений: между отцом и сыном, императором и министрами, старшим братом и младшим братом, мужем и женой, другом и другом. Скрепляющим социальным клеем служили четыре принципа: правильное поведение, справедливость, честность и чувство стыда. Правление на основе этих правил называлось термином Личжи (Lizhi), означающим правление на основе этического кода и/или морали.

Надо иметь в виду, что западные авторы по-разному толкуют философию Тянься. В интерпретациях одних, как например, австралийской китаистки Розиты Делиос, эта философия, как и весь набор философских течений (даосизм, конфуцианство, буддизм, моизм), представляют собой «гармонизацию на земле». В интерпретации других, по ее же словам, это – «философия предначинного мистицизма». В интерпретации третьих, та же концепция Тянься – китаецентристский взгляд на мир, в соответствии с которым в центре мира находится единственная цивилизация, Среднее королевство, которое окружают варвары. Они не заслуживают даже названия. Роль и значимость последних зависит от степени усвоения ими китайской культуры. Естественно, взаимоотношения с ними не могли строиться на базе европейских представлений как между суверенными государствами, только как господина и подчиненных.

Таким образом на протяжении долгого исторического периода времени Китаю не было надобности создавать отдельные теории международных отношений из-за отсутствия их необходимости. Они не формировались и в период с середины XIX в., когда Китай попал в объятия Запада, вплоть до возникновения КНР в 1949 г.

Общие теории и принципы внешней политики кнр

Именно с момента возникновения КНР в стране стали появляться теории международных отношений, выраженные в официальных государственных доктринах внешнеполитического свойства. Они являлись и являются важнейшим компонентом, точнее, центральным стержнем, вокруг которого наматывался процесс формирования и реализации внешней политики. Они были призваны убедить население в

обоснованности тех или иных шагов китайской политики на международной арене. Обоснование построено на теории, которая, в свою очередь, призвана отражать объективную реальность. В соответствии со стандартами китайских определений теория (*лилунь*) есть «система концепций и принципов, или систематизированное рациональное знание; научная теория устанавливается на основе общественной практики и доказывается и проверяется общественной практикой, и правильно отражает суть и законы объективной реальности. Значение научной теории определяется ее способностью управлять человеческим поведением».

Здесь надо иметь в виду то, что в отличие от китайской практики, американцы в принципе не признают объективных реальностей. Поэтому у них никогда не были популярны философы-объективисты, в частности, гениальный среди них – Гегель. Им кажется, что реальность создается самими американцами. Не должно смущать и наличие в США различных концепций и внешнеполитических доктрин (доктрина политического реализма, неоконсерватизма, неолиберализма и т.д.). Эти теории не являются в научном смысле теориями. Обычно они представляют собой набор целей, которых Вашингтон должен достичь на международной арене в соответствии с национальными интересами США. Их абсолютно не волнует, насколько эти интересы приемлемы или соответствуют интересам других субъектов международной политики. Тем более их не интересует, насколько они адекватны объективному ходу развития человечества. Это тоже специфика американской внешней политики.

В Китае к теории исторически относились с глубоким уважением. Если она казалась убедительной, отражала практику большинства китайцев, тогда проведение политики на основе теории становилось нетрудной задачей с точки зрения ее поддержки внутри страны. Причем китайцев не смущает частая смена теорий. Напротив, большую настороженность вызвала бы «вечная» теория. В сознании это фиксируется тем, что поскольку жизнь, мировая обстановка, да и сам Китай постоянно меняются, значит теория, отражая эти изменения, также должна меняться, иначе она превращается в догму.

В китайских документах часто присутствует термин – *линхуо син* (гибкость), который как бы аккумулирует и отражает явления, требующие постоянных изменений. Одновременно есть некие постоянные вещи, которые нельзя изменить, или, по крайней мере, они не подлежат изменению. Это своего рода фундаментальные принципы, касающиеся жизненных национальных интересов. Такие бескомпромиссные вещи обозначаются термином – *юандзэ син* (принципы), под который попадают национальные интересы, суверенитет и социалистический путь развития КНР. Среди национальных интересов четко фиксируется принцип воссоединения с Тайванем, и

этот принцип не подлежит ни компромиссам, ни даже обсуждению. В разряд аналогичных принципов входят *чжунсюе вэйти* (китайские ценности, которыми нельзя поступаться при взаимодействии с Западом). В то же время принцип – *сисюе вэйюн* (западные ценности) предполагает использование западных ценностей в технических и практических целях.

Без знания такого типа нюансов часто бывает сложно понять «непоследовательность» китайских теорий и поведения Пекина на международной арене. И хотя названные принципы находили свое воплощение в практических теориях и доктринах внешней политики КНР, они не могли не сказаться и на восприятии западных теорий, которые стали проникать в КНР с начала 1990-х годов.

Внедрение западных теорий международных отношений

Как уже указывалось, предыдущие теории международных отношений и внешней политики еще не были теориями в буквальном смысле слова, тем более в западном смысле. Естественно, на них наложил отпечаток новый строй в Китае, новая идеологическая основа и тесная связь с Советским Союзом. Причем, если в начальный период становления КНР его внешнеполитические теории обильно обрамлялись марксистской и социалистической терминологией, то в последующем, и особенно с конца XX века, в них, с одной стороны, активнее стали внедряться элементы традиционной китайской философии, с другой – достижения западной мысли.

Уже упоминавшийся Цинь Яцин, сам теоретик и исследователь становления ТМО в Китае, пишет, что период после 1949 г. можно разделить на три этапа. Первый этап начинается с 1953 г., когда в Пекине впервые был учрежден Департамент дипломатических исследований при Народном университете Китая, через два года реорганизованный в Институт внешней политики. Этот этап длился до 1964. Функции этой организации в основном сводились к подготовке дипломатических кадров. В ходе второго этапа, 1964 – 1979 гг., были созданы три департамента международной политики в трех главных университетах страны: в Пекинском, в Народном и в Фуданьском университетах. В первом изучались освободительные движения в Третьем мире, во втором – коммунистического движения в мире, в третьем – изучение МО в западном мире. Основная задача исследований – это интерпретация МО в духе классиков революционных лидеров – Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна. Формировались

и теории прикладного назначения (теории для действий), типа различных вариантов теорий Трех миров.

Третий этап начинался с 1979 г. и длится по настоящее время. Именно в это время в Китае начинается углубленное освоение западной мысли. Количественное нарастание этого освоения демонстрирует таблица, в которой показано количество публикаций (в процентах) статей основных теоретических школ, каковыми являются марксизм, школа реализма, школа либерализма, школа конструктивизма, школа китайской парадигмы на основе китайской философской мысли.

Годы	Марксизм	Реализм	Либерализм	Конструктивизм	Кит. парадигма	Другие
1978-1990	32	26	16	0	6	20
1991-2000	5	34	37	6	9	9
2001-2007	4	24	32	25	5	10

Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о резком падении за указанный период публикаций марксистской школы и стагнационного состояния традиционно китайской школы. В то же время, если высокий процент публикаций школы политического реализма и либерализма объясним тем, что именно работы авторов данных направлений переводились в Китае в первую очередь, то популярность конструктивизма, оказывается, была вызвана тем, что, по словам профессора Циня, эта школа в своей сути совпадает с интерпретацией в китайской философии понятия И син (изменение). Кроме того, другим ключевым словом в конструктивизме является самовосприятие (идентичность), которое для нового Китая также стало важным из-за определения себя в качестве возвышающейся державы. Взаимодействие пары – идентичность и поведение – широко обсуждаемое в Китае в рамках конструктивизма и сделало эту школу популярной среди китайских ученых.

Объясняя падение влияние марксистской школы, автор указывает, что она не смогла развить парадигму, которая могла бы объяснить уникальность Китая как в стиле, так в содержании. Имеется в виду, что она оказалась не в состоянии на базе марксистской терминологии объяснить специфический характер китайского социализма и форму его поведения на мировой арене. В то же время некоторые ученые «теорию зависимости» рассматривают как отдельное направление именно марксистской традиции. Но опять же это не китайское открытие. Точно так же эта теория рассматривается и на Западе.

Несмотря на усиленное распространение западных школ, прежде всего американских, китайские ученые осознают, что они не могут объяснить явления, характерные для поведения Китая и других стран Восточной Азии в терминах своих теорий. Например, существующий процесс интеграционных связей в этой зоне, несмотря на отсутствие доверия между многими странами региона. Кроме того, они понимают, что нельзя слепо следовать западным теориям, а необходимо выработать собственные ТМО, исходя именно из китайской практики и перспективы своей страны. Именно этого, как полагает автор, ждет от Китая и «остальной мир», отношения с которым расширяются и уплотняются с каждым годом. Несмотря на подобное осознание, автор констатирует, что до сих пор в Китае так и не создана хорошо структурированная китайская теория международных отношений.

Теория международных отношений и Китайская специфика

С начала 1990-х годов в Китае стали изучаться западные теории международных отношений, некоторые идеи из которых начали братья на вооружение для формирования собственных теорий. Их переработка на китайский лад, видимо, и дала повод для многих несколько иронично называть их ТМО с китайской характеристикой. Наиболее популярными, ставшими элементами официальных внешнеполитических доктрин, стали три теории, построенные на идеях а) глобализации, б) силовой теории неореалистов (теория комплексной мощи государства) и в) идее Джозефа Ная-мл. о «мягкой силе». Остановимся на последних двух.

Концепция Комплексной мощи государства (КМГ)

Сразу же следует сказать, что эта концепция на китайском языке называется Дзунхе голи [zōnghé guó lì (综合国力)]. Русские переводят это словосочетание как указано в подзаголовке, американцы – как Комплексная национальная сила (Comprehensive National Power). Надо заметить, что китайский иероглиф “ли” означает именно “силу”, поскольку “мощь” они передают другими иероглифами – Кэнен, или Цянгуань [Kěnéng 可能, Qiángquán 強權]. В результате в таких переводах исчезает разница между мощью и силой, содержание которых весьма различно. Но поскольку ни китайские, ни американские теоретики этой разницы не видят, а воспринимают этот термин именно как мощь, пока будем говорить об этой концепции в их толковании.

Эта концепция была разработана в недрах Китайской Академии социальных наук, Военной академии Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и Китайского институте современных международных отношений в конце 1990-х годов. Точнее, ученые указанных учреждений не столько разрабатывали, сколько перерабатывали идеи американских ученых, тяготеющих к количественному измерению силы, к примеру, Эшли Теллиса, Майкла Портера, Рэя Клайна, Клауса Норра, Клиффорда Германа. На самом деле многие западные политологи и международники увлекались измерениями силы, среди них американец Рудольф Раммель, Хэйуорд Алкер, Джон Харсани и многие другие. В свое время подробную статью о таких попытках подсчета силы-power в международных отношениях написал Джеффри Харт.

В принципе показатели, которые использовали китайцы по существу ничем не отличаются от американских вариантов, за исключением их количества. Так, Китайская академия социальных наук использовала восемь «аспектов» и 64 индикатора, – кто-то больше, кто-то меньше. Но прежде чем говорить об этих показателях, надо выяснить, что они понимают под КМГ (Комплексной мощи государства).

Шанхайский ученый Цю Минчжень (Qiu Mingzhen) дает такое определение КМС (в английском тексте переведено как Комплексная национальная сила): «Национальная мощь (*power*) – это своего рода объединённая сила (*force*), равно как и интегрированная и комплексная система сил (*strength*). Она включает в себя экономическую, политическую, военную и дипломатическую силы (*powers*) определённой нации и также аккумуляцию, потенциал, силу (*vigor*) и уровень развития в культуре. ... Культура является не только постоянной существенной частью КМС, но также важным индексом КМС».

Читателю следует обратить внимание на то, что *мощь* определяется через некие другие силы (*force, strength, powers and vigor*), которые сами не определены. Вместе с тем сама мощь как *power* в других случаях определяется аналогичными *powers*. Это означает, что субъект определяется через неопределённый предикат, причем предикат и субъект терминологически обозначаются одним и тем же словом. По Гегелю, это пустое тождество. Такие определения – нарушение правил даже формальной логики. Правда, в Википедии дается такое различие: военные факторы – это жесткая сила (*hard power*), а экономические и культурные факторы – мягкая сила (*soft power*). Это различие не решает проблемы, поскольку сам военный фактор состоит из жесткой силы (обычно ее обозначают словом «*force*»), т.е. военного потенциала и «мягкой силы»: управление, командование и т.д. Китайские теоретики, идя за американцами, со словом *power* попадают в ловушку. В Википедии же утверждается, что введение в КМГ индикатора ВВП является чисто китайской

инновацией, не вытекающей ни из западной политической мысли, ни из марксистско-ленинской, ни традиционно китайской.

Это утверждение неверно. На начальной стадии формирования данной концепции ее авторы, перечисляя «жесткие» составляющие КМГ (экономика, территория, население, военная сила и т.д.), большое внимание уделяли ее «мягким» компонентам именно в марксистском смысле и на базе марксистской терминологии. Так, Цю Минчжень, подчеркивая, что Китай является социалистическим государством, рассматривает КМГ как отражение соответствия социалистической надстройки социалистическому экономическому базису и социалистическим производительным силам. «Поэтому, – пишет он, – чтобы усилить КМГ Китая, мы должны консолидировать и развивать экономическую систему на начальной стадии социализма, энергично развивая социалистические производительные силы, строить материальную и институциональную цивилизацию социализма, также как и развивать надстройку и социалистическую идеологию, адаптированную к социалистическому базису. И на этой основе строить духовную цивилизацию, всесторонне продвигаясь к прогрессу. Это базовые условия для усиления КМГ социалистического Китая и историческая задача социалистической культурной работы в Китае. В целом же социалистическая культура Китая включает в себя материальные и духовные культуры».

Из этой длинной цитаты, в которой постоянно употребляется слово *социалистический*, весьма явно видна «китайская характеристика» в понимании КМГ, отличающаяся от западных интерпретаций. Элемент культуры становится чуть ни ядром всей КМГ, от степени развития которой зависят все остальные, в том числе и материальные ее компоненты. И по большому счету шанхайский ученый прав. И его правота становится наглядной, когда он объясняет, что такое культура. Он пишет: «Китайская социалистическая духовная культура включает в себя идеологию, мораль, образование, науку, технологию, литературу, искусство, санитарную и физическую культуру. При этом, наука и технология, особенно их наиболее развитые формы, являются 'первичными производительными силами'».

Читатель не найдет ни одного автора среди буржуазных теоретиков международных отношений, которые бы проинформировали о социалистической интерпретации КМГ со стороны китайских ученых. В какой-то степени их оправдывает то, что и сами китайские ученые с течением времени перестали педалировать социалистический характер КМГ, с одной стороны, видимо, поняв, что надстроечные факторы в этой мощи невозможно подсчитать, с другой – просто сконцентрировавшись на ее «жестких» компонентах. Однако и здесь все оказалось не так просто.

Два китайских автора из Университета Цинхуа Ху Аньган и Мен Хонгуа приводят результаты анализа КМГ по методу, разработанному Хаун Софенгом (Huang Suofeng, 1996, 1999. Китайская военная академия), который принимает следующий вид:

$$P = K \times H \times S,$$

где P обозначает КМГ данного года, K – координационная система, включающая такие факторы, как способность национального руководства к координации и объединению, H – материальное обеспечение, включающее все физические факторы, S – интеллект-обеспечение, включающий совокупность императивов мышления, интеллектуальные и другие факторы.

К материальному обеспечению относятся: экономические ресурсы, человеческий капитал, природные ресурсы, финансовые ресурсы, ресурсы в области знаний и технологий, ресурсы в управлении (=финансовые расходы центрального управления), военные ресурсы, интернациональные расходы (это объемы экспорта и импорта, роялти и лицензионный сбор). В итоге – восемь параметров, состоящих из более дробных индикаторов.

Интересно, что хотя эта статья была написана в 2007 г., обобщающие данные были даны только за 1998 г. Как бы то ни было, подсчет этой мощи по данной методике в итоге для пяти государств выстроил такую иерархию в 1998 г.: США, Япония, Россия, Китай и Индия. Ненаучность подобной оценки заключается уже в том, что по одному из главных индикаторов, ВВП, входящему в КМГ, Россия в те годы находилась на 11 месте, уступая в том числе всем названным государствам. Не говоря уже о координационной системе (K), которая была просто развалена. Авторов подсчета это, правда, не смущало.

Судя по всему, в последующие годы сравнительный анализ КМГ стал модным в Китае, о чем говорят регулярные публикации на эту тему в журналах по международной тематике. В Википедии приводится, например, таблица, взятая из статьи “Reports on International Politics and Security” (January 2006), помещенная в

Yellow Book of International Politics, издаваемая Центром общественных наук, спонсируемый правительством КНР.

Ранг	Страна	Очки
1	США	90.62
2	Объединенное королевство	65.04
3	Россия	63.03
4	Франция	62.00
5	ФРГ	61.93
6	Китай	59.10
7	Япония	57.84
8	Канада	57.09
9	Корейская	53.00

Из этой таблицы вырисовывается, что Комплексная мощь государства, например, таких стран как Канада и Южная Корея

превосходит аналогичную мощь Индии, Англия (Объединенное королевство) – Германии, России + нижестоящей семерки? Это очевидный абсурд не только потому, что в КМГ невозможно подсчитать нематериальные факторы, но и подсчет самих материальных ресурсов: население, территория, и даже экономики еще ни о чем не говорит. По крайней мере к силе государства они имеют слишком опосредованное отношение, приблизительно такое же, как вес и рост человека к его способностям размышлять. Эти индикаторы всего лишь констатируют количественные параметры тех или иных явлений, в лучшем случае намекая на их потенциал. Скажем, в Канаде население составляет около 35 млн чел., а в Индии более 1 млрд 200 млн чел. Несмотря на это, ВВП Канады превосходит ВВП Индии, что означает: на душу населения Канады приходится значительно больше выпускаемой продукции, чем в Индии. Является ли это отражением количества населения? Или все-таки качества, о котором авторы забыли упомянуть. И как определяется само это качество?

Другими словами, мощь – просто количественный подсчет материальных ресурсов страны, ее, выражаясь марксистским термином, материальная база, которая должна быть сопряжена с надстройкой государства. Именно государство определяет, каким образом эту мощь, этот потенциал превратить в силу, для того, чтобы достичь каких-то целей.

Иначе говоря, мощь без превращения ее в силу – пустой звук. В этой связи встанет вопрос: а что такое сила? Китайские авторы данной концепции на эту тему не размышляли. Но если бы они решили проблему силы, тогда встал бы не менее важный вопрос: в каких целях она должна быть использована? Для «равновесия сил», как писал Ганс Моргентау? Или для продвижения «демократии» во всем мире в духе американской внешней политики? Хочу подчеркнуть, что сила, использованная без научно обоснованной цели, ведет к пустой растрате всех компонентов КМГ. Это не простые вопросы, которые на теоретическом уровне китайские ученые не обсуждали.

Теперь попробуем разобраться с «мягкой силой», тоже ставшей модной среди китайских международныхников.

«Мягкая сила» по-китайски

Концепция «мягкой силы», тесно связанная с концепцией КМГ, вошла в лексикон политических деятелей КНР с 1993 г. после появления статьи Ван Хунина (Wang Huning) в журнале Фуданьского университета (Journal of Fudan University, 1993, №3) под названием «Культура как национальная сила: мягкая сила». Любопытно, что китайские ученые не углубляются в философский анализ сути данной концепции,

удовлетворяясь ее возможностью вынести на первый план культуру, как главную составляющую «мягкой силы», на основе которой должна базироваться внешняя политика КНР. В то же время ученые-международники китайского происхождения, проживающие за пределами КНР, почему-то уделяют данной концепции сверхповышенное внимание с упором именно на теоретическую составляющую данной концепции. Посмотрим, что же они из нее вынесли.

В 2009 г. вышла книга под названием «Мягкая сила: стратегия нового Китая в международной политике», авторами которой являются, за исключением одного, китайцы как из КНР, так и других стран. Суть данной работы – понять, что означает для Китая концепция «мягкой силы»?

Почти каждый из них поначалу приводит многочисленные выдержки из речей китайских руководителей, в которых упоминался термин «мягкая сила», а также объяснение этой самой силы автором термина Дж. Наем-мл. И в самом начале редактор данного сборника, сингапурский ученый Ли Миндзян обозначает два подхода к этой теории. Один выражен Джохуа Курланчиком – китайская мягкая сила «трансформирует весь мир». Другой – известным международником Фаридом Закарием: «Китай использовал мягкую силу только в том смысле, что она позволяет реализовывать его силу мягко. Он делает это сознательно, показывая, что он не разбойник (хулиган, bully)».

А дальше возникают вопросы, что же такое «мягкая сила»? Най в одной из работ указывал на «критерии» мягкой силы, каковыми являются привлечение, убеждение, кооперация и состязание. С этим как бы все согласны. Но с точки зрения логики непонятно, как культура, идеология и ценности могут быть источниками мягкой силы? И Ли пишет: «Но если страна проводит агрессивную культурную политику, то в результате она может привести к страху перед культурной гегемонией или культурным империализмом».

Хочу отметить, что подобные «каверзные» вопросы ученые подчас ставят (безотносительно Китая) не столько из-за использования данного термина, сколько для того, чтобы показать абсурдность самой концепции Ная.

Между прочим и в самих США немало критиков данной концепции. Например, Джеймс Трауб в этой связи пишет, что продукты наших развлечений и зрелищ значительно более «устрашающи с гегемонистской точки зрения, чем наша военная мощь».

Ли ставит идею мягкой силы в социальный контекст. Имеется в виду политическая среда, в которой реализуется эта сила. Одно дело в рамках американской либеральной демократии, другое – внутри китайской модели

«политического авторитаризма плюс экономического либерализма». Первый вариант приветствуется в среде многих социально-политических элит Первого мира, второй – странами Третьего мира. «Следовательно, категоризация источников силы в дихотомии жесткой и мягкой сил является неуместной». Другими словами, неубедительной становится и концепция КМГ, как раз и состоящей из такой дихотомии.

Ли Миндзян напоминает, что некоторые китайские ученые также усматривают в идее Ная несогласованности. Например, Чжу Фэн (Zhu Feng) утверждает, что дело не столько в мягкой силе, сколько в том, как воспринимается международным сообществом в целом политика государства и насколько она соответствует национальным интересам. Это касается не только мягкой силы, но и жесткой силы. Китайский вариант мягкой силы, утверждают другие китайские ученые, и это – «китайская модель», вбирающая в себя многосторонность, экономическую дипломатию, политику добрососедства.

Более подробно идею культуры через мягкую силу разъясняет ученый из КНР Чень Дзяньфен (Chen Jianfeng). Посредством «китайской культурологической доктрины Середины», которая лежит в основе учения конфуцианства, построена гармонизация Ян и Инь. В отличие от предыдущего толкования действия сил Ян и Инь в рамках философии Тянься, о чем говорилось выше, Чень пишет: «В контексте международных отношений... конфуционизм настаивает на обращении с другими нациями на основе мягкости и морали и верит, что доброта является противоядием грубости». В целом же доктрина Середины (или Срединного пути) – это и есть китайская мягкая сила.

В выше упомянутой статье Ван Хунина также упор делается на те аспекты конфуцианства, которые и составляют мягкую силу китайской культуры. Это и уважение благодаря достоинствам (*yi de fu ren*), и доброжелательное управление (*wang dao*), и мир и гармония (*he*), и гармония без подавления различий (*he er bu tong*).

Другие китайские ученые исходят из того, что мягкая сила скорее коренится в политической силе, чем в культуре, и в современных условиях воплощаются в нынешних государственных институтах, нормах и надежности (политической системы).

В отличие от Ная некоторые китайские ученые резонно обращают внимание, что “жесткая сила и мягкая сила не могут быть разделены, они взаимодополняют друг друга”. Правильнее было бы сказать, что они неразрывно связаны между собой, одно без другого просто не существует.

В развитии данной мысли китайские ученые выдвигают очень неприятную для западных теоретиков идею о том, что сама нынешняя китайская модель развития является «источником национальной мягкой силы».

Мен Хунхуа (КНР) выделяет пять элементов мягкой силы: культура, ценности, модель развития, международные институты и международный образ страны.

Задача же заключается в том, как прорекламировать, скажем, культурный образ Китая на международной арене. И тут начинается нерадостная статистика. Сами китайские ученые дают такие цифры: в 2004 г. в КНР было импортировано 4 068 типов печатной продукции (в основном книги) из США, а экспортировано только 14: из Англии – 2 030, в Англию – 16, из Японии – 694, в Японию – 22. В этой связи китайские ученые как раз обеспокоены тем, что не столько Китай привносит в мир свою культуру, сколько Америка, которая приобрела черты культурологической гегемонии в мире, включая растущее влияние американской мягкой силы в самом Китае.

На Западе это тоже хорошо осознается. Как выразился один из западных китайцев Лю Дзяньбо (Luo Jianbo), «Для богатой, свободной в культурном отношении мощной страны как США потерять мягкую силу в борьбе с Китаем кажется совершенно невозможным. Это было бы подобно поражению в боксе с одноруким боксером».

В этой связи американский китаец Чжао Суйшен (Zhao Suisheng), с удовлетворением также констатирует: «Также как китайская экономическая и военная сила далека от соответствия с американской, мягкая сила Китая все еще не равна американской, в частности в терминах политических ценностей и моральной привлекательности».

На первый взгляд кажется, что и Чжао, и Лю правы. Возможно, они будут правы и на второй взгляд. На третий же, все будет зависеть от того, что они понимают под термином сила. А на этот вопрос пока не ответил ни один из них.

* * *

Резюмируя, следует признать, что западные взгляды, которые столь интенсивно стали осваивать китайские ученые с начала 1990-х годов, мало что дали с точки зрения развития теорий международных отношений в Китае. С одной стороны, это вызвано тем, что даже на Западе ТМО находится на стадии, все еще не оформившейся в целостную науку. С другой стороны, играет фактор несовместимости подобных концепций не то что с китайской культурой политического мышления, но и с общей моделью развития страны – это то, что часто политологами-международниками называется «Пекинским консенсусом» в противоположность «Вашингтонскому консенсусу», что в упрощенной форме означает принципиальное отличие: социалистический и капиталистический варианты развития.

Фундаментальные различия в этих «консенсусах» – главная причина отторжения западных теорий в китайском обществе.

Вместе с тем китайцы не избегают использовать некоторые аспекты различных теорий Запада в прикладном значении. Теория КМГ, например, стала стимулом для анализа сопоставления материальной мощи КНР с другими странами, которая хотя и в приближенной форме, все же позволяет более объективно оценивать динамику роста экономического потенциала страны. Не бесполезна также и теория мягкой силы Ная. Она подтолкнула китайцев обратить более пристальное внимание на надстроечные элементы во внешней политике, чем является в том числе и пропаганда национальной культуры. Именно этот фактор стал стимулом создания в различных странах институтов Конфуция, в задачу которых как раз и вменяется распространения знаний о Китае, его культуре, литературе и т.д. Такую же, например, функцию выполняют институты Гёте, созданные ФРГ во многих странах.

Правда, если говорить о международном образе КНР, пока произведенная ею продукция, заполонившая весь мир, усиливает его в значительно большей степени, чем мудрость Конфуция. Но на все надо время. Не исключено, что через какое-то время на столе западных политических и военных лидеров, помимо книги Сун Цзы «Искусство войны» будет лежать и томик изречений Конфуция. А там, глядишь, дойдет дело и до цитатников Мао Цзэдуна, который на Западе станет также популярным, как в некоторых странах Африки и Латинской Америки.

Алекс Бэттлер

27.06.2013